

- Selected from his Writings, Letters and Speeches / Presented by S. Duraj Raja Singam. — Varanasi, 2001.
4. *Coomaraswamy A.K. Guardians of the Sundoor: Late Iconographic Essays* / ed. Robert Strom. — Louisville, 2004.
 5. *Thinkers of the Indian Renaissance* / ed. Donald H. Bishop. — New Delhi, 1998.
 6. *Coomaraswamy A.K. The Dance of Śiva*. — New York, 1918.
 7. *Coomaraswamy A.K. Mediaeval Sinhalese Art*. — Broad Campden, 1908.
 8. *Coomaraswamy A.K. The Aims of Indian Art*. — Broad Campden, 1908.
 9. *Coomaraswamy A.K. The Arts and Crafts of India and Ceylon*. — New York, 1964.
 10. Индийская философия. Энциклопедия / отв. ред. М.Т. Степанянц. — М., 2009.
 11. *Coomaraswamy A.K. The Transformation of Nature in Art*. — New York, 1956.
 12. *Ватсьянн Капила*. Наставление в искусстве театра «Натьяшастра» Бхараты. — М., 2009.
 13. *Coomaraswamy A.K. Art a Superstition, or a Way of Life?* // *The Essential Ananda K. Coomaraswamy* / ed. Rama P. Coomaraswamy. — Bloomington, 2003.
 14. *Coomaraswamy A.K. A Figure of Speech or a Figure of Thought?* // *The Essential Ananda K. Coomaraswamy* / ed. Rama P. Coomaraswamy. — Bloomington, 2004.
 15. *Coomaraswamy A.K. Why Exhibit Works of Art?* // *The Essential Ananda K. Coomaraswamy* / ed. Rama P. Coomaraswamy. — Bloomington, 2004.
 16. *Coomaraswamy A.K. The Christian and Oriental, or True, Philosophy of Art* // *The Essential Ananda K. Coomaraswamy* / ed. Rama P. Coomaraswamy. — Bloomington, 2004.
 17. *Coomaraswamy A.K. Samvega — Aesthetic Shock* // *The Essential Ananda K. Coomaraswamy* / ed. Rama P. Coomaraswamy. — Bloomington, 2004.
 18. *Rajesh Singh. Indian Art History and Stella Kramrish: A Review of Reviews* // *Lalit Kal . A Journal of Oriental Art*. — 2000 — № 30.

УДК 821.161.10(092)
ББК 83.3(2Рос=Рус)6-9

Н.Ю. БОГАТЫРЁВА

«Я ВЕРЮ В СЕМИСТРУННУЮ ГИТАРУ»: К 80-ЛЕТИЮ ЮРИЯ ВИЗБОРА

Рассмотрено многогранное творчество барда, журналиста, сценариста и актера Юрия Визбора (1934—1984). Проанализирована поэтика его стихов и прозы, показана эволюция творчества: от студенческих песен к философской поэзии, пронизанной экзистенциальными чувствами. Отмечен большой вклад Ю. Визбора в отечественную культуру как яркого представителя шестидесятников. *Ключевые слова*: авторская песня, шестидесятники, журналистика, песня-репортаж, радиостанция «Юность», журнал «Кругозор», альпинизм, кинематограф.

Юрий Визбор. Автор всенародно известных песен «Солнышко лесное», «Сергея Санин», «Охотный ряд» и множества других. Журналист, стоявший у истоков радиостанции «Юность» и придумавший новый жанр «песня-репортаж». Актер, сыгравший с десяток запоминающихся ролей, среди которых — Борман из «Семнадцати мгновений весны». Прозаик, альпинист, горнолыжник... Словом, целая планета с именем «Визбор».

**«Кто мы были? Шпана не шпана,
безотцовщина с улиц горбатых...»**

Детство Визбора прошло в Москве, на Сретенке, которую он потом запечатлел в своих песнях: «Сретенский двор», «Волейбол на Сретенке»... Хотел стать летчиком, занимался в аэроклубе. Но для него, как сына врага народа (отца расстреляли в 37-м), круг учебных заведений был ограничен. Тогда одноклассник и друг Владимир Красновский, будущий актер и композитор, предложил ему поступать в пединститут им. В.И. Ленина, который в те годы был настоящим спасением для всех, кому «не повезло» с

биографией. Визбор был потрясен «офигительным», как он писал потом, зданием на Пироговке и стал студентом филфака МГПИ. В институте он вместе с будущим режиссером Петром Фоменко, поэтом Юрием Ряшенцевым, Владимиром Красновским был автором и актером знаменитых капустников-обзоров. В студенческие годы написаны и первые песни Визбора, которые сразу были подхвачены молодежью. Первые стихи Визбора появились в стенгазете филфака «Словесник» и многотиражной газете «Ленинец». Ада Якушева рассказывала, как очаровали ее «нежные, серебристые такие стихи»: «Теберда, Теберда, голубая вода, серебристый напев над водой...»

Самые первые песни Визбора были анонимными: «Лейтенант молодой и красивый», «Веселый парень по кличке Нос». Ада Якушева говорила, что он выдавал их за песни соседа: «Боялся, что скажут: дешевка...». Первым настоящим «хитом» стала песня «Мадагаскар» (мелодия С. Богдасаровой), написанная в 1952-м. В институте Визбор сочинял в основном песни с нехитрым сюжетом: «Кончен день морозный, свет зари погас. За соседним озером ждет ночевка нас». Туристическая тематика Виз-

бору была особенно близка: он возглавлял секцию альпинизма в институтском туристическом объединении, инструктором водил группы по Кавказу и Карелии. Горам посвящено множество его песен. Среди них — лирические («Теберда», «Шхельда», «Да обойдут тебя лавины»), юмористические («Мама, я хочу домой!», «Слаломисты») и классика жанра — «Домбайский вальс», «Песня альпинистов», «Фанские горы»...

Позднее Визбор говорил, что туризм был не содержанием, а организационной формой творчества первых институтских бардов, естественным фоном, на котором авторы преподносили свои песни. И, конечно, со временем они переросли туристскую тематику. Тенденции к этому намечались еще в студенческие годы.

После окончания МГПИ Визбор и Красновский были распределены учителями русского языка и литературы на станцию Кизема Архангельской области. Оттуда их обоих призвали в армию. Служили радистами в Заполярье. После демобилизации, с 1957 года Визбор становится корреспондентом отдела молодежных передач Всесоюзного радио.

«Ты сам себя ведешь на битву — и оттого ты человек»

Возможно, выражение, что вся жизнь Визбора — битва, прозвучит излишне патетично. Но ведь так и есть. В этих битвах он не стремился занимать красивую позу, а просто — жил и боролся, весело и мужественно. Разве не битва — волейбольные дворовые и институтские баталии, трудные горные восхождения, выход на боевом корабле в штормящее Баренцево море... Битва со стихией, с чиновниками, наконец — с самим собой. И часто полем этой битвы были корреспондентские задания, которые выполнял Юрий Визбор.

«Журналистика — моя единственная профессия, — признавался Визбор. — Это моя основная работа, которую я люблю...». «В шестьдесят первом году, — вспоминал Юрий Визбор, — вместе с моим товарищем, Борисом Абакумовым, мы, едуци из города Наро-Фоминска в автобусе ночью, набросали на пачке папирос “Беломор” примерный план такой жизни, которой нам хотелось бы жить. По работе. И вот из этого плана, из этой коробочки “Беломора” и возникла радиостанция “Юность”» [1, с. 10]. Она была основана в 1962-м. Как корреспондент новой радиостанции Визбор побывал в разных точках Советского Союза. Плавал на ракетных кораблях военно-морского флота, рыболовецких судах и даже на ледоколе в Баренцевом море. Участвовал в первых ночных перелетах по маршруту Москва — Хабаровск в кабине летчика пассажирского самолета. С водителями большегруза проехал по самой опасной высокогорной трассе мира — Хорог — Ош на Памире.

Космонавт Валерий Рюмин писал: «Его всегда притягивали профессии, требующие от человека усилий, воли, мужества, он любил людей неординарных профессий: летчиков и полярников, моряков и альпинистов, рыбаков и космонавтов. И в своих произведениях показал нелегкую романтику их работы и жизни» [2, с. 5]. Визбор считал, что сила человека не в профессии и не в судьбе, а

в поступке, в действии, потому и герои его песен, репортажей, рассказов люди поступка.

Именно о *человеке дела*, о настоящих мужчинах рассказал Визбор в придуманном им жанре «песня-репортаж». Основой репортажа была специально написанная песня, в которую вплетались фрагменты интервью с участниками события, разнообразные звуки, и все это создавало у слушателей ощущение сопричастности к происходящему. Первой ласточкой жанра стала песня-репортаж «На плато Расвумчорр» — о будничном и незаметном для большинства подвиге строителей комплекса по добыче и переработке апатитов в Заполярье. Этот песенный репортаж вышел в первом номере журнала «Кругозор» за 1964 год. В 63-м журналисты радиостанции «Юность» придумали журнал, в середину которого вставлялись гибкие разноцветные пластиночки. Создатели журнала называли его «журнал с дыркой в голове». Визбор проработал в нем до 1970 года. Здесь впервые официально прозвучали визборовские песни, в том числе песни-репортажи.

Своим лучшим репортажем Визбор считал «24 секунды подвига» — о девятнадцатилетнем курсанте летного училища Павле Шкляруке. «В воздухе у него отказал двигатель, — я в свое время был пилотом и знаю, что это такое. Шклярук летел на реактивном самолете. Перед ним был город. Он имел право катапультироваться, но тогда самолет упал бы на жилые кварталы. Тогда он повернул практически уже неуправляемую машину на Волгу. Но здесь, по какой-то злой иронии судьбы, плыл большой многопалубный теплоход. Каким-то чудом Павлу удалось увернуться и от него. Он мог еще спастись сам, потому что находился над водой и мог катапультироваться на малой высоте, но увидел, что самолет несется на мост, по которому в это время шел пассажирский поезд. И Павел Шклярук просто отжал ручку от себя и врезался в воду. Практически он спас многих людей ценой собственной жизни. Об этом случае я узнал вот в таком же примерно пересказе. Тут же сел сочинять песню, но выходило что-то не то — трескучее, банальное. И вдруг мне на помощь пришли летчики. Они достали для меня пленку с переговорами Павла Шклярука с землей, записанными в тот момент, когда он падал. И это послужило мощным толчком для создания песни, а сама пленка стала ее составной частью, составной частью этого песенного репортажа... Эта пластинка имела огромный успех. После ее выхода со всех концов страны лет шесть или семь в редакцию “Кругозора” шли письма. Именем Павла Шклярука назывались школы, пионерские дружины... Настоящие люди не уходят из жизни бесследно...» [2, с. 11].

Одна из песен этого репортажа стала широко известной: «Я падаю взрывчатим телом, а крыши согнулись и ждут. Я, кажется, знаю, что делать, чтоб эту не сделать беду».

Песни перемежаются записью голосов очевидцев этого события, и это особенно сильно воздействует на чувства слушателей. «Я живу в том доме, на который должен был упасть твой самолет. Спасибо тебе, Паша». «Я ехал на пассажирском поезде по мосту через Волгу. Я и все люди из нашего вагона видели, как ты отвернул от моста. Спасибо тебе, Паша». «Мы с мужем стояли на палубе того парохода,

который был на твоём пути. («Ты спас им жизнь», — вплетается в монолог женщины голос журналиста.) — Спасибо тебе...». Но всенародную любовь принесли Визбору все-таки не его достижения в журналистике, а песни.

**«И собрали мы сторонников рифмы,
кисти и мелодии»**

Расцвет авторской песни традиционно связывают с Юрием Визбором (как и с Булатом Окуджавой и Владимиром Высоцким), хотя первопроходцами жанра были не они, а М. Анчаров и первые барды МГПИ (В. Сурганов и др.) и МГУ (Д. Сухарев, Г. Шангин-Березовский). Но, как писал Л. Аннинский, современную студенческую песню создал именно Визбор. Он дал своему поколению голос, дал жанр, дал импульс, и с его голоса, с его легкой руки пошло уже поветрие, и явились певцы следующих поколений: принцип был распознан, почин подхвачен, создавалась традиция, выработалась артистическая система, оказавшая влияние на поэзию и ставшая ее частью» [2, с. 11]. Визбор до сих пор самый, наверное, «выученный» из всех российских бардов. Молодежь знает наизусть и «Милую мою», и «Просто нечего нам больше терять», и «Серёгу Санина». Он действительно остался студенческим бардом, что-то такое «общеюношеское» угадал и выразил. То, что не стареет.

Визбором написано более трехсот песен. Как минимум, два десятка вошло в золотой фонд отечественной культуры: уже упомянутая «Милая моя, солнышко лесное», «Ты у меня одна», «Александра» из фильма «Москва слезам не верит», «Мама, я хочу домой», «Если я заболею» (по стихам Я. Смелякова), «Шхельда», «Охотный ряд», «Домбайский вальс», «Песня альпинистов», «Серёга Санин», «Спокойно, дружище, спокойно», «Здравствуй, я вернулся»...

Борис Вахнюк рассказывал, как однажды он пел в присутствии первого космонавта Юрия Гагарина визборовского «Серёгу Санина». И Гагарин заплакал. А потом рассказал, что у него был друг-летчик, который вот так же «не дотянул до посадочных огней». «Как же ваш Визбор все угадал!».

Песни Визбора эмблематичны и знаковы, они объединяющим людей началом. Песня «Мирно засыпает родная страна», написанная в 1953-м для капустника-обозрения «Кто тебя выдумал?» Визбором и Ряшенцевым на мелодию популярного тогда блюза Семенова (мелодию припева сочинил Владимир Красновский), стала неофициальным гимном советских студентов. В сборнике авторской песни «Возьмемся за руки, друзья!» (М.: Молодая гвардия, 1990) она поименована как «Гимн московских студентов». Ее сделали своим гимном, слегка переиначив слова, студенты Томского медицинского института, и так по всей стране!

«Волейбол на Сретенке» стал памятником поколению послевоенных мальчишек. И странно выглядит тот факт, что только в 1979-м вышел сборник песен Визбора — и то какой-то полуподпольный, изданный Московским КСП. В то время как его песни пела вся страна!

У поколения шестидесятников был культ дружбы. Дружба, товарищество для них — важнейшая нравственная категория. Вспомним песню Михаила Анчарова

«Слово “товарищ”», «Возьмемся за руки, друзья» Булата Окуджавы, песни Высоцкого... «Нашей религией была дружба», — говорила Ирина Демакова (Олтаржевская), ныне известный российский педагог, однокашница Визбора и Ады Якушевой... Все песни Визбора — об этом. «Визбор — поэт товарищества, поэт контакта, поэт человеческой связи, — справедливо замечает Л. Аннинский. — Визбор — это тепло дружеских рук, улыбка солидарности, радость встречи» [2, с. 9].

Творчество Визбора, о котором и профессиональные публицисты, и восторженные доморожденные критики написали столько эмоциональных строк, странным образом оказалось вне орбиты серьезных научных исследований. Глубокая и точная характеристика творчества Визбора принадлежит его однокашнику и соавтору Юрию Ряшенцеву. Ряшенцев, с его требовательным отношением к себе и другим начинающим поэтам и трепетным отношением к Слову, по его признанию, не всегда был доволен поэтическими опытами Визбора. Коробила небрежность, беспечность, с которой Визбор относился к своим стихам и песням. Рождались они у него легко и не подвергались редакторской шлифовке. Ряшенцев считал, что колы Визбор наделен талантом, — а это понимали все, кто близко знал его, — этот талант требует развития, усилий и труда. А Визбору было интересно очень многое, времени и сил на поэтический труд не хватало. Отсюда досадные «провисания» в его многообещающих стихах.

Это замечали и журналисты, пишущие о творчестве Визбора: «Обладая поэтическим даром, может быть, не такого уж высокого накала, обращаясь с этим даром зачастую весьма небрежно — не по неумению, скорее по щедрости, — он, как большой, истинный мастер, умел штрихом единым, не отрывая кисти, написать картину... Только по-настоящему отважный, уверенный в своих чувствах и мыслях человек может позволить себе вот так пренебречь совершенством стиля и слога. Впрочем, дело не только в отваге. Визбор был не простой поэт, он был бард. Песня, требуя своего, дает все же дополнительные возможности, добавляет смелости. За песней, гитарой, интонацией в конце концов многое можно спрятать» [3].

Правда, обвинить Визбора в том, что он совсем не работал над стихом, нельзя. Он старался разнообразить рифмы: «Я пришел, отделившись от дел, вечером на горы поглядеть», «с речкой глаз на глаз потолковать, разузнать, как чувствует трава», «синева долин — замороженный залив», «рубежа — связь держать», «от Москвы — снегов» (все из стихотворения «Здравствуйте, я снова прибыл к вам», 1957). Ряшенцев говорит, что они увлекались тогда усеченными рифмами в традициях Маяковского. Обращают внимание на себя внутренние каламбурные переключки («отделившись от дел» и др.).

В ранних стихах Визбора режут слух избыточные, претенциозные, витиеватые метафоры: «И нанизано рождение луны на хрустальное копье тишины... Поднял оттепель февраль на корме, выгибает облаков паруса, и качаются в ночи полюса» («Зимняя песня», 1961). Подобные метафоры можно встретить и в более поздних стихах Визбора. Метафора про «серую нитку дорог», которой

«штопают раны», из песни «Остров Путятин» (1963) через десять лет перекочевала в «Ночную дорогу». «Штопаем раны разлуки серую ниткой дорог» — «Длинной-длинной серой ниткой стоптанных дорог штопаем ранения души».

Стихи Визбора были неровными на протяжении многих лет. Так, в один год, 1960-й, написаны «Шхельда», «Охотный ряд», «Подмосковная», которые по уровню мастерства довольно зрелые. А в 1962-м — небрежно сделанный «Хамар-Дабан». И в том же году — «Спокойно, дружище», одна из лучших песен Визбора. Нет, конечно, народ восторженно принимал любую его песню. Но легкую досаду чувствуешь от легкомысленных рифм, от неуклюжих, «косопалых» выражений, то и дело мелькающих в визборовских стихах. Есть у него и полуофициозные песни совершенно в духе советской эстрады («Любовь моя, Россия», 1960). Но в своих стихах Визбор, если и был идеологичен, то совершенно искренне. Есть в его багаже пацифистские стихи в духе антиимпериалистических лозунгов времен «холодной войны»: «С юга и севера плещет вода. Спущены в воду стальные суда, ждущие часа и ждущие дня кинуть ревуший десант на меня». Только у Визбора получалось талантливее идеологических речевок, потому что он не боялся разговорной интонации. У него получалось непосредственно и трогательно: «... Лапник сырой. Вся палатка в дыму. Что я им сделал? Никак не пойму...».

Однако со временем поэтической небрежности в стихах Визбора становится все меньше. Уходят раздражающие метафоры. Стихи становятся все более гармоничными, легко ложатся на сердце. И сам Визбор все больше задумывается о поэтике.

Л. Аннинский в конце 80-х, когда была еще свежа боль от внезапного ухода Визбора, слегка патетически восклицал, что пришла, дескать, пора осмыслить место Визбора в истории новейшей русской поэзии. Жизнь тихонечко расставила все по местам. В поэтических антологиях и учебниках по истории российской словесности Визбору места как-то не нашлось. Но разве это главное? Главное — что песни его поют.

Песни Визбора обогатили наш язык множеством крылатых выражений: «Зато, говорю, мы делаем ракеты и перекрыли Енисей. А также в области балету мы впереди планеты всей» («Рассказ технолога Петухова»), «Наполним музыкой сердца», «Зачем вы ботик потопили?», «Ты мой зайка, я твой дед Мазай», «Струна, и кисть, и вечное перо — нам вечные на этом свете братья! Из всех ремесел воспоем добро, из всех объятий — детские объятия».

Визбор был романтиком, искренним, немного демонстративным даже. С Максимом Кусургашевым они написали в 1957-м песню с показательным названием «Романтики»: «У романтиков одна дорога: обойдя все страны и моря, возвратясь, у своего порога отдавать навеки якоря». В песне «Синий перекресток» изложена декларация истинного бродяги-романтика: «Ищи меня сегодня среди морских дорог, за островами, за большой водою, за синим перекрестком двенадцати ветров, за самой ненаглядной зарею».

Бродяжий дух сочетался в нем с глубокой привязанностью к Москве. Московская тема звучит во многих пес-

нях: «Прощай, Москва», «Охотный ряд», «Подмосковная» («Тихим вечером, звездным вечером... среднерусская, сердцу близкая, подмосковная сторона»), «О, Москва, Москва святая», «Подмосковная зима» («По старинной по привычке мы садимся в электрички»). И, конечно, «Сретенский двор» — летопись жизни поколения шестидесятников: «Кто мы были? Шпана не шпана, безотцовщина с улиц горбатых, где, как рыбы, всплывали со дна серебристые азростаты». Какая точность деталей, психологическая и бытовая достоверность! Стихи Визбора вообще очень предметны и в то же время приподнято-романтичны. Но патетический градус умело сбивается самим автором, которому никогда не изменяет чувство юмора. Л. Аннинский замечал: «Тогда шутили: у Визбора даже гитара смеется. В его голосе искрилось ликование, у него улыбалось каждое слово, каждый звук; эта свободно играющая радость окрашивала у него любую песню, даже грустную» [2, с. 8].

В то же время это очень мужская лирика, по которой соскучились многие из нас. Визборовские стихи — образец настоящей мужественности. «Он любил сильных, мужественных и добрых людей и сам был мужественным и добрым в своем искусстве», — сказал о нем Булат Окуджава.

Но с годами в стихах Визбора нарастает трагическое звучание. Пронзительно звучит маленькое, но сильное стихотворение «А зима будет большая», которую его внучка, Варвара Визбор, повернула неожиданной стороной. Возникает вопрос об отношении Юрия Визбора к Богу. Он был крещен в Православии, однако воцерковлен не был. Но присутствие Бога в своей жизни, конечно, ощущал. Иначе откуда в стихах, даже самых ранних, такие строки: «Камень чуть качнулся вперед и ринулся вниз, к реке. Двадцать один непутевый год повис на правой руке. Только удара черная плеть да пустота позади, только пальцы на рыжей скале и цифра — двадцать один. ... Я долго курил над пропастью снежной, теперь я не мог не понять: ночь, любимая спит безмятежно, но втихомолку молится мать!» (1954).

Вообще Визбор шире, и глубже, и сложнее того набора песен, с которым он прочно ассоциируется. «Останься сам собой, не путай труд и тщенье, бенгальские огни и солнца торжество. Из общей суеты, из шумного течения не сотвори себе кумира своего» («Последний день зимы», 1974).

Потрясающая песня «Телефон» (1967). Визбору вообще удавались диалоги — и в поэзии, и в прозе. Но здесь мы слышим только одного из говорящих, догадываясь о репликах его собеседницы. Короткие отрывистые фразы, между сигаретными затяжками, чтобы скрыть волнение. «Слушаю. Да. Алло. / Что за шутки с утра? / Я? Почему удивлен? / Я даже очень рад. Я даже закурю. Здравствуй, прошло сто лет. / Сто лет прошло, говорю. / Я не спешу. Нет. / Телефон-автомат у нее. / Телефон на столе у меня. / Это осень, это жнивье. / Талый снег вчерашнего дня».

Младшая однокашница Визбора по МГПИ, замечательный педагог и поэт Роза Харитоновна учила своих студентов-иностранцев русскому языку на этом стихотворении. И что удивительно: с трудом говорящие по-русски студенты это стихотворение прекрасно понимали. Как-то сумел Визбор в коротких строчках сказать самое главное о человеческой судьбе. О двух человеческих судьбах...

Все глубже песни, и все настойчивее беспокойство и неясная тревога, хотя внешне все хорошо, он известен, любим, востребован... За девять лет до смерти написаны эти две песни. «Какая музыка была, / Какая музыка звучала. / Она совсем не поучала, / А лишь тихонечко звала. / Звала добро считать добром, / И хлеб считать благодеяньем, / Страданье вылечить страданьем, / А душу греть вином или огнем» («Наполним музыкой сердца»). «Еще придет зима в созвездии удачи, / И легкая лыжня помчится от дверей, / И, может быть, тогда удастся нам иначе, / Иначе, чем теперь, прожить остаток дней» («А будет это так»). В них не то чтобы предчувствие разлуки, а светлое и всеобъемлющее чувство приятия этого мира, ощущение его красоты и хрупкости и нашего не вечного присутствия в нем... «С годами развелись мы насовсем / С тем, что казалось тенью золотом, / А оказалось, в сущности, ничем — / Участием во всем и суетою. / Но нас сопровождали, как пажы, / Река, и лес, и лист, под ноги павший, / Прощающие нам всю нашу жизнь / С терпеньем близких родственников наших».

Предвидел ли он свою недалекую смерть, когда писал в 1980-м на уход Высоцкого: «Мы здесь поодиночке смотрелись в небеса, / Мы скоро соберемся воедино, / И наши в общем хоре сольются голоса, / И Млечный Путь задует в наши спины...».

«Вот первое дыхание строки» Проза

Не менее интересна, хотя и малоизвестна даже поклонникам Визбора его проза. Один из первых прозаических опытов, повесть «Арктика, дом два» (1968) посвящена жизни полярников, летчиков полярной авиации и моряков Северного флота. Герои повестей «Альтернатива вершины Ключ» (1981), «Завтрак с видом на Эльбрус» (1983) — альпинисты, но повести эти не столько о героических восхождениях, сколько о перипетиях человеческих жизней и переплетении судеб. «Настоящая любовь страшна. Страшна так же, как страшны все настоящие ценности жизни: мать, дети, способность видеть, способность мыслить — словом, все то, что можно по-настоящему потерять» [2, с. 406].

Очень хороший рассказ «Снег» (1965) — о геологах, ищущих апатит в Хибирах, погребенных заживо под лавиной, выживших и продолжающих трудиться. Играючи как-то написано. Нестрашно — о страшных вещах, о смерти. Герои визборовской прозы и стихов умели бороться с отчаянием и побеждать — как невыдуманные герои его репортажей.

Замечательный, немного сентиментальный рассказ «Ноль эмоций» (1965) — о медвежонке, которого подобрали матросы пограничного корабля. О том, как Пират, как его называли, привязался к одному из них и, когда задержали нарушителя, спас хозяина от смерти, приняв на себя удар ножа...

В записных книжках Визбора есть коротенькая запись услышанной где-то истории. К зазнавшемуся мальчишке-спортсмену в гостинице подселили ветерана. «Звезда» добивается, чтобы ветерана от него убрали:

номер полностью оплачен. Ветеран не спорит, находит место где-то в общей гостиной, а вечером заходит к спортсмену и говорит: «Сынок, из твоего окна видно место, где был мой окоп». Из этого эпизода вырос отличный рассказ «Полуфинал». Воспоминания фронтовика, приехавшего в Волгоград на слет ветеранов и выкинутого из номера вежливым молодым спортсменом, написаны так, словно автор сам все это пережил. А его по-шестидесятнически крепкая вера в людей не может не трогать. Ветеран вечером приходит к Вечному огню и видит там мальчишек с автоматами — почетный караул. «Что-то странное случилось с Николаем Павловичем. Он вдруг увидел, что стоит этот мальчишка в небе, большой, как бог, выше облаков. А сам молодой Малков лежит в прокаленной пыльной ямочке, и пыль тонким клином прилипла к торопливо вытертому от масла стволу автомата. Слева и справа от него, да не близко — ох как не близко! — лежит редкая цепь не успевших как следует окопаться бойцов, а через секунду грянет бой. И над всем этим страшным ожиданием нелепейшей смерти или счастливого продолжения жестокой жизни, над полем, которое вот сейчас превратится в поле боя, над комами земли, которые еще не вырваны густо летящими к ним танковыми снарядами, над молодыми жизнями, которым пошла предсмертная минута, — над всем этим миром в белых высоких облаках стоит хмурый мальчик с пионерским галстуком на шее, с автоматом на груди. Ангел? Сын? Будущее?» [2, с. 467].

Удивительная философская и лирическая зарисовка «Мальчик и море» (1975) о том, как наш взрослый цинизм и нечувствительность может разрушить в ребенке мечту и веру. Легко написано, и читать легко: много диалогов, герои перебрасываются словами, как мячиками, немного ерничают, поддевают друг друга и читателя, но за всем этим — глубина мысли.

Материалы к прозаическим произведениям накапливались в записных книжках Визбора. Лаконичные записи свидетельствуют о его наблюдательности. Зарисовки очень точные, в них двумя-тремя штрихами обозначена суть происходящего, сердцевину характера описываемых людей.

В этих записных книжках, как и в прозе, и в поэзии, и в публицистике, сформулированы жизненные ценности Визбора — и всего поколения шестидесятников. Вот он цитирует выжившего ленинградского блокадника: «Выживали те, кто делился с другими. Те, кто жил для себя, — погибали» [2, с. 552].

«Ветер, ветви, весенняя сырость... Как это пережить? Как жить без этого? Как жить с этим, ежесекундно дрожа от мысли, что это может пропасть, быть украденным каким-то проходящим поездом, который на нашей станции стоит-то всего одну минуту? Что из миллиона вариаций существует только одна — неповторимая» [2, с. 555].

Россыпью по страницам записных книжек разбросаны внезапные, как вспышка, точные и глубокие, лаконичные мысли, так и просящиеся стать крылатыми. «Для меня все семьи делятся на те, где смеются над разбитой чашкой, и на те, где ругаются из-за этого». «Он грубит так, как будто у него в кармане лежит запасная челюсть». «Я достиг такого возраста, в котором мужчина может себя украсить лишь деньга-

ми». «Странно, что Бог наделил нас разумом и не дал защиты против него». «Он художник слова, а я художник дела».

Но, как вынужден был констатировать даже искренний апологет Визбора Лев Аннинский, Визбор не вошел в литературный процесс. А жаль. Визборовскую «Ночь на плато» критик считает классикой жанра. «По крутой экзотичности материала, по плотности ткани, наконец, по манере письма, ориентированной на такие авторитеты 50—60-х годов, как Ремарк и Хемингуэй, — Визбор-прозаик мог бы вписаться в контуры тогдашней “молодой литературы”. Если бы вошел в ее круг» [4, с. 5]. Но он не вошел. Помешала песенная легкая слава, считает Аннинский. Но, скорее всего, дело в том, что журналистика занимала все время. К тому же Визбор не хотел и не умел обивать пороги редакций...

Прозу Визбора, собранную в трехтомнике через 15 лет после его смерти, Л. Аннинский в предисловии охарактеризовал как «вымечтанные приключения книжного мальчика, мечтателя, “шестидесятника”, спустившегося с надмирных высот в крутую реальность». И привел в пример рассказ Визбора студенческих времен «Москвичка»: «Учительница, выпускница столичного вуза, заезжает в глушь, в удмуртскую школу, — однокашники отправляются к ней в “реальность” как в турпоход» [4, с. 6]. Да только вот события в рассказе — подлинные. И ребята эти вовсе не были книжными детьми, хотя книжек прочли очень много. Воспитанные суровой эпохой, уж они-то жизнь знали с ее неприглядной, часто трагической изнанки. И поездка эта через всю страну была для них привычной реальностью без всяких кавычек. Максим Кусургашев рассказывал: «В мои последние институтские зимние каникулы (февраль 1954 года. — Н.Б.) я, Юрка Визбор, Володька Красновский и Люська Фролова отправились в Удмуртию в сорокаградусные морозы, три недели кувыркались на лыжах по старым сибирским трактам. Зато какая радость была, когда мы туда приехали! Сельская школа на берегу Камы, и мы вваливаемся к Нинке посреди ночи» [5, с. 155].

С 1970 года Визбор работает редактором сценарного отдела творческого объединения «Экран». Им написаны десятки сценариев — в основном для документальных фильмов. Первый документальный фильм по сценарию Визбора «Тува — перекресток времен» вышел в 1967-м. «Сентябрь в Туве», «Якутские портреты», «Спуститься с Чегета», «Братск — вчера и завтра», «Мурманск-198», «На полюс!», «Сокровище Самотлора», «Причалы Камаза», «Диалоги в Полоцке», «Челюсцинская эпопея», «Помнит Дунай»... Уже по этим названиям можно судить, сколь обширной была география визборовских странствий. Визбора по-прежнему привлекала романтика настоящего мужского труда, будь то добыча нефти на крупнейшем в России Самотлорском месторождении, строительство завода-гиганта КамАЗ в Набережных Челнах или спуск по скоростной трассе риска — «страшная гора» Чегет покорялась только настоящим мужчинам. Там, где другой захлебнулся бы пафосом, Визбор умел удержаться от пошлых восторгов — спасала неизменная мягкая ирония. Но при этом слушатель чувствовал гордость за свою страну и соотечественников и — как бы немодно сегодня это слово ни звучало — патриотизм автора. И этот патриотизм был

абсолютно органичен. В нем, помнившем войну, жило обостренное чувство благодарности тем, кто победил фашизм. Среди его сценариев — «Вперед, на Запад!» из цикла «Память о Великой войне», «Год 1944-й» из цикла «Наша биография». Он писал сценарии и делал репортажи все о тех же любимых своих героях, настоящих мужчинах. О пограничниках, хлеборобах, строителях Братска, летчиках и космонавтах, мурманских моряках... Со всеми находил общий язык, мгновенно располагая к себе искренностью и обаянием. Он любил людей, интересовался их жизнью — самое важное качество для журналиста... Может быть, еще и поэтому фильмы по сценарию Визбора и с его песнями — «Мурманск-198», «На полюс!» — удостоивались наград на престижных международных конкурсах: подкупала искренность и глубинная какая-то подключенность Визбора к своим героям... За работы в документальном кинематографе Визбор удостоился пяти премий, три из которых международные. Б. Окуджава так отзывался о документальных фильмах Визбора: «Это короткие рассказы о трудовых буднях — всегда маленьких открытиях человеческих характеров».

Писал Визбор и пьесы — «Автоград XXI» (совместно с Марком Захаровым, который и поставил эту пьесу в Ленкоме), инсценировка повести Б. Васильева «В списках не значился», пьеса «Березовая ветка». А еще Юрий Визбор обладал актерским талантом.

Визбор-актер

Точно замечено, что Визбор по разносторонности и силе дарований — человек эпохи Возрождения. «Был он одарен щедро и раскидисто — как актер, живописец, журналист», — писал Л. Аннинский [4, с. 6]. Чем бы он ни занимался: сочинением песен, горными лыжами, прозой, актерством — все делал талантливо. За свою недолгую, в общем, жизнь он успел очень много. В каждой области, где Визбор подвизался, список его достижений составляет десятки названий. Правда, Л. Аннинский с горечью замечал, что эта «разбросанность» Визбора и сократила ему жизнь: «Может быть, от этого раввшегося, вечно менявшегося напряжения он и сгорел так быстро» [4, с. 9]. Сгорел — но подарил нам радость от хорошей песни, от удачно сыгранной роли...

В 1966-м Визбор снялся в фильме Марлена Хуциева «Июльский дождь». Предложения последовали одно за другим. В 1968-м — «Возмездие» и «Красная палатка». В советско-итальянском фильме режиссера М. Калатозова «Красная палатка» об истории спасения советским ледоколом «Красин» потерпевших крушение пассажиров направлявшегося к Северному полюсу дирижабля «Италия» во главе с Умберто Нобиле — Визбор сыграл профессора Бегоунека. Его партнерами на съемочной площадке были Шон Коннери и Клаудия Кардинале. Потом участие в съемках «Рудольфио», «Мой папа — капитан», «Переступи порог», «Ночная смена», «В Москве проездом», «Дневник директора школы», «Нежность к ревущему зверю»... Среди фильмов, в которых снялся Визбор, подлинные шедевры: «Начало» режиссера Глеба Панфилова с Инной Чуриковой в главной роли, «Ты и я» удивительной Ларисы

Шепитько, где Визбор сыграл в дуэте с Аллой Демидовой, пронзительный «Белорусский вокзал» Андрея Смирнова. Но кинематографическим триумфом Визбора стала роль Бормана в «Семнадцати мгновениях весны». Он по-детски радовался, когда его узнавали на улицах.

В фильме «Июльский дождь» Юрий Визбор сумел создать живой и обаятельный образ, неоднозначный, двухслойный, но самый достоверный из всех (ну, может быть, еще главная героиня, сыгранная Евгенией Ураловой, удачно «сделана»). На поверхности — легкий цинизм, ироничная бравада, подчеркнутое донжуанство. И только ближе к финалу просвечивает истинная сущность героя, скрытая под броней непроницаемой иронии и нигилизма. Оказывается, он прошел войну, побывал в жестоких ситуациях на грани жизни и смерти. Самый пронзительный момент фильма — встреча ветеранов у Большого театра. И герой Визбора там — свой среди своих. С боевыми наградами. Кстати, рассказывают, что первые дубли этой сцены снимали среди реальных фронтовиков, 9 мая. Но Визбор, как и все мальчишки военной поры, с благоговением относившийся к ветеранам, не смог свободно почувствовать себя частицей этого братства, в этом была бы фальшь. Актерское мастерство проиграло совести. Визбор говорил о своих ощущениях в сцене у Большого театра: «Я совершенно фальшив. Я весь фальшивый среди настоящего». Мысль о том, что он играет роль, а они — нет, была для Визбора невыносима. И сцену пришлось переснимать уже с массовой. Он вспоминал: «В этом фильме я играл роль человека, который прошел войну. Тема эта была мне близка. Но мое поколение, которое ехало в последнем вагоне этого военного эшелона, — оно сохранило свое отношение к войне, и эта тема по-настоящему и мне дорога, и просто волнует. Но я сыграл роль такого человека, который, исходя из своих военных лет, военных переживаний, опираясь на них — они стали его духовным фундаментом, — он с большой иронией и неприятием относится к тому, что происходит на его глазах. Какие-то явления карьеризма, приспособленчества. Это была очень интересная и достаточно глубокая роль» (из выступления в мае 1977 года, Новосибирский Академгородок). Визбор о своем герое, юристе Алике, говорил, что это «был романтик войны, человек, уже седой тогда, но сохранивший романтическое отношение к прошлому и очень мудрый; как дитя, например, очень, очень светлый человек» [6].

Фильм «Ты и я» (сценарий Геннадия Шпаликова, режиссер Лариса Шепитько) получил третью, низшую категорию в СССР, а в Венеции был удостоен «Золотого льва». В фильме два молодых ученых променяли науку, радость открытия и вдохновенного труда на карьеру. Загубили талант. Фильм об этом — о трагедии личности, предавшей свои убеждения. Сейчас об этом даже не задумываются. Переживания героев воспринимаются как метания слабоумных. Материальные ценности сейчас главнее. Визбор говорил об этом фильме: суть его в том, что нельзя продавать свой талант, это даже не твое — это общественное достояние. Ты стране своей принадлежишь. Все людям остается. Шестидесятники исповедовали коллективизм. Не стадный сталинский коллективизм. А свободное братство любящих друг друга людей.

Но это то, что на поверхности. Фильм глубже гораздо. «Если говорить коротко, — делился Визбор, — то фильм наш был историей двух людей, драма которых происходила оттого, что ради случайных и необязательных удач, ради престижных перспектив два талантливых ученых-медика отложили свой талант на время (как они полагали) и устремились в мир материально-деловых завоеваний и в конце концов сделали чиновниками от медицины. Однако мучительная мысль о том, что жизнь их проходит даром, что обворовали они себя и других, тех, кому они могли бы помочь, не брось свое дело на полдороге, эта мысль, эта мука стали главным содержанием их драмы, а все остальные события, пусть важные и значительные в иных судьбах, для наших героев приобрели окраску фона, мелькающего как нечто несущественное. Мало того, что они стали духовными неудачниками, они сделали несчастной и женщину, для одного из которых она была женой, для другого — вечной и тайной любовью. В этой истории не было счастливого конца, так обожаемого кинематографом. Это был фильм о расплате за одну, но самую существенную ошибку в жизни, о необратимости времени человеческой жизни, о тонком понимании таланта как предмета не только личного, но и общественного достояния» [6].

Суть своего творчества, да и всей жизни Визбор выразил в словах: «Мне не очень верится в то, что люди работают для чистого искусства как такового. Люди работают для людей. Исключая те случаи, когда они уныло творят для денег».

Л. Аннинский писал, что в своем творчестве Визбор очертил «уникальный склад души, который, кажется, обрывается на “шестидесятника”, хотя им (то есть нам) это казалось чем-то вечным, само собой разумеющимся: великая цель, которая неосязима, как кровь в сосудах, и моральные ценности, которые надо только внедрить в реальность» [4, с. 7]. Очень точно сказано. Кроме одного: не обрывается. В разных поколениях возникают люди с точно таким же, шестидесятическим, складом души. Это передается по наследству — не кровному, духовному наследству... Потому современная молодежь с ходу принимает, а кто знает — подхватывает песни Визбора.

Список литературы

1. Визбор Ю. Монологи со сцены. О себе. О кино. О песне! — М.: Гудьял-Пресс, 2000.
2. Визбор Ю. Я сердце оставил в синих горах. — М.: Физкультура и спорт, 1988.
3. Васильев Г. Человек во множественном числе // Юрий Визбор: официальный сайт [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://vizbor.ru/index.php?chrazdel=11&chmenu=14&r=articles&listid=11>
4. Аннинский Л. Стреляющие ветки // Юрий Визбор: официальный сайт [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://vizbor.ru/index.php?chrazdel=11&chmenu=14&r=articles&listid=9>
5. Богатырёва Н. Свято дружеское пламя: в 2 кн. — М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2002. — Кн. 1.
6. Визбор в кино [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.tram11.ru/viz/viz_0153.html